

ПАСТУШЬЯ СУБКУЛЬТУРА У ОСЕТИН

А. Б. Багаев

В традиционном обществе культивируемые мужскими сообществами ценности оказывают значительное влияние на формирование и развитие личности, что, в свою очередь, воздействует на развитие всего социума. По этой причине исследование мужских субкультур прошлого имеет большое значение. Субкультура никогда не появляется из пустоты, она всегда базируется на более ранней культуре, трансформацией которой она является. В этой связи для понимания закономерностей развития современного общества необходимо всестороннее изучение субкультур прошлого. В данной статье рассматривается пастушья субкультура в традиционном обществе на осетинском материале. В прошлом это одна из устойчивых и распространенных мужских профессиональных субкультур у осетин. Она оказала значительное влияние на многие стороны духовной и материальной культуры осетинского народа. Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым комплексным исследованием пастушьей субкультуры у осетин. Источниками при разработке поставленной проблемы послужили этнографический материал, фольклорные тексты и данные осетинского языка.

В ходе исследования рассмотрены стереотипы поведения пастуха, а также традиционные нормы, на которых основывалось взаимодействие между ним и хозяевами скота. Установлены величина и формы вознаграждения труда пастуха в разных осетинских обществах. Выделены оригинальные термины для обозначения пастуха в зависимости от выпасаемых им животных. Определены пастушьи атрибуты и особенности пастушьего костюма у осетин. Выявлены религиозно-магические обряды, практиковавшиеся пастухами для сохранения стада. Определен музыкальный фольклор осетинских пастухов и его религиозно-магические функции. Данная проблема требует дальнейших углубленных исследований всех рассмотренных аспектов.

Ключевые слова: *пастушья субкультура, осетинский пастух, пастушество, пастушить, пастуший обряд, пастуший атрибут, пастуший посох.*

В традиционном обществе культивируемые мужскими сообществами ценности оказывают значительное влияние на формирование и развитие личности, что, в свою очередь, воздействует на развитие всего социума. Для понимания процессов, происходящих в современном осетинском обществе, необходимо исследование традиционных субкультур наших

предков. Одной из них является пастушья субкультура. Вследствие распространённости скотоводства у осетин в прошлом пастух играл важную роль в жизни общины. Традиционно в осетинских семьях уход за скотом осуществляли мужчины. Пастушество относится к мужским видам хозяйственной деятельности, в виду опасности и тяжелых условий, в которых вынужден был работать пастух.

Целью исследования является рассмотрение различных элементов традиционной культуры, характерных для осетинских пастухов: образ жизни, стереотипы поведения, религиозные представления, пастушьи обряды и обычаи, музыкальный фольклор, пастушьи атрибуты.

Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым комплексным исследованием пастушьей субкультуры у осетин.

Исследование основано на этнографическом материале и фольклорных текстах, а также данных осетинского языка.

Исследование проведено на основе междисциплинарного методологического подхода.

Специальных работ по данной проблеме нет, но элементы субкультуры пастухов в определенной мере нашли отражение в разных осетиноведческих исследованиях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Выпас домашних животных требует волевого характера, физической силы и выносливости и, самое главное, специальных знаний и навыков. По этой причине не каждый сельский житель мог систематически заниматься данным видом деятельности. Полученные эмпирическим путем знания по содержанию и выпасу разных видов домашних животных в качестве профессиональных секретов передавались у осетин в прошлом из поколения в поколение, от отца к сыну, от бабушки к внуку. Характер деятельности предполагал наличие у пастуха особенной наблюдательности, развитого слуха и зрения. Чтобы сохранить и защитить свой скот от ненастья, вовремя разместить его в надежном убежище, он должен был уметь прогнозировать изменения в погоде.

У осетин скот обычно пасся тремя отдельными группами: лошади, крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот. Отдельно пасся и молодняк мелкого рогатого скота. Для каждой из них существовал отдельный пастух, имеющий специальное название в осетинском языке. Чабан в осетинском языке обозначается словом *фиййау* (часто этим понятием обозначается пастух вообще). Человек, пасущий лошадей, называется у осетин «*бæхгæс*», а коров — «*хъомгæс*». Молодняк принято было выпасать также отдельно. Для пасших их людей в осетинском языке существуют отдельные названия: пастух телят — *родгæс*, пастух ягнят — *уæлыгæс*. Данные термины представляют собой композитные образования, компонентами которых становится существительное (*бæх* «лошадь», *хъом* «скотина», *род* «теленки», *уæлы* «ягненок») и усеченная форма глагола *кæсын/гæс* «смотреть» [8].

Как правило, эту работу выполняли подростки. Пастушить они начи-

нали с детских лет и к 14-15 годам осваивали все необходимые для пастушества навыки. Их труд оплачивался ниже взрослых пастухов. В основном они работали за пропитание. Хозяева овец или телят кормили пастушков по очереди, ночевали они у них же. Набравшись опыта и возмужав, они становились пастухами. В осетинском языке практически вся скотоводческая терминология является древнеиранским, частью индоевропейским наследием [9, 56–58]. Так как пастушья терминология является неотъемлемой частью скотоводческой, не вызывает сомнений ее исконность. Пастушить по очереди (*радæй*) могли представители домохозяйств. Количество дней, которые должен был пасти общий скот тот или иной член общины, находилось в прямой зависимости от числа голов принадлежавшего им скота в общем стаде. Нередко за работу общественного пастуха брался человек из неимущих слоев населения того же села. Однако работа их значительно уступала по качеству работе профессионального пастуха, поэтому община старалась нанять опытного. Пастухов даже при небольшой отаре надо держать несколько, ввиду частых грабежей... [3, 70].

В горах преобладал мелкий рогатый скот, главным образом, овцы, козы в отаре составляли около 15%. На равнине же крупный рогатый скот превосходил количество овец в стаде почти в два раза [10, 137; 11, 553].

Вследствие того, что в горах у осетин овцы заметно превосходили численностью другие виды домашних животных (коров и лошадей), пасшие их чабаны также по количеству превосходили пастухов других видов животных. В равнинной части Осетии больше было пастухов крупного рогатого скота и табунщиков.

Так как пастух выполнял свою работу за определенное вознаграждение, то при исследовании пастушеской субкультуры важно установить величину и способ оплаты его труда у осетин. Значительный интерес представляют принципы и правила, на которых основывалось взаимодействие между пастухом и хозяевами скота.

Срок найма общественного пастуха находился в прямой зависимости от характера содержания скота. В зависимости от климатических условий он не был одинаковым в разных местностях Осетии. Если в горах и селах, расположенных близко к горам, скот в холодные пять-семь месяцев находился на стойловом содержании, то в некоторых равнинных районах выпас мог продолжаться круглый год. Соответственно пастуха нанимали либо на несколько месяцев, либо на целый календарный год. До проникновения товарно-денежных отношений в осетинское общество труд пастуха вознаграждался определенным количеством голов скота или определенной мерой зерна. Платили за каждое животное.

В Осетии труд пастуха в разные исторические периоды и в разных местностях оплачивался по-разному. Так, в Дигорском ущелье пастух за одну выпасаемую голову крупного рогатого скота получал около 16 кг («меркъа») ячменя, два чурека и надой с коровы за один день. В конце

XIX в. к этому добавляли также определенную сумму денег. В это же время в Зарамагском обществе за аналогичный труд пастух получал с одной головы крупного рогатого скота около 30 кг ячменя (2,5 «мæрт») [12].

По сведениям В.Б. Пфафа, «главный пастух на пастбище нанимается смотреть за порученной ему скотиной за незначительное вознаграждение, состоявшее прежде из одной овцы, но теперь (вторая половина XIX в. — А. Б.) из двух — со ста; за лошадей и рогатый скот — по условию» [1, 254].

С проникновением товарно-денежных отношений в осетинскую деревню труд пастуха начал оплачиваться комбинированно. Позже пастух за выпас скота получал денежное вознаграждение. Так, по сообщению М.А. Мисикова, в начале XX в. пастух нанимался обществом за 100-200 рублей [13, 103].

По сведениям А.А. Скачкова, в 1904 г. в Дагомском приходе «за пастьбу скота каждый двор уплачивает общественному пастуху за весь летний сезон по 50 коп. с коровы, по 75 с быка, по 20 с козы или овцы и по 1 рублю с лошади» [3, 68].

Пастух за весь срок найма обеспечивался пищей и ночевал у каждого из хозяев. Данная традиция своими корнями уходит в глубокую древность и известна не только осетинам, но и многим другим народам. Кроме того, у осетин на весь сезон пастушества община предоставляла пастуху две пары горской обуви и домотканое сукно для пошива штанов.

Как мы уже отмечали, если пастух был из другого села, то на время работы он жил и питался в домах нанимателей. Вероятно, пастух часто оставался недовольным отношением к себе сельской общины. Данное обстоятельство нашло отражение в пастушьей пословице: «*Фиййау хъæубæстæ дарæг, фæлæ хъæубæстæн иу фиййау фæдарын сæ бон нæ бавæйы*» / «пастух кормилец сельской общины, однако сельская община не справляется с содержанием одного пастуха». Время пребывания в том или ином доме находилось в прямой зависимости от количества голов, которое домохозяйство отправляло в стадо.

Все условия работы общественного пастуха предварительно оговаривались. Пастух обязан был заботливо стеречь вверенное ему стадо. Он должен был постоянно сохранять спокойствие и контролировать ситуацию: защищать животных от нападения хищников (волков, шакалов, медведей) и предохранять от срыва в пропасть или скатывания с обрывов и крутых склонов. В случае обнаружения какой-либо болезни у животного, угрожающей ему гибелью во время пастьбы, пастух, согласно обычаю, должен был его зарезать (толковый пастух по характерным признакам умел определять симптомы всех распространенных заболеваний скота). Согласно пастушьим обычаям, пастух должен был незамедлительно известить о происшествии хозяина животного. Последний же в свою очередь должен был выказать свою признательность. Предъявление каких-либо

претензий пастуху в таких случаях считалось нарушением традиционных норм. В случае отела пастух должен был ухаживать за теленком, а вечером передать его хозяину. Договор заключался в устной форме — на общем собрании глав семей селения. С этого времени пастух находился под покровительством села, и оскорбление пастуха считалось унижением для всей общины. Данная норма отражена и в пословице: «*фийауы æфхæрд — хъæубæсты æфхæрд*/оскорбление пастуха — оскорбление всего общества (села)».

В горной Осетии скот выпускался на выгон («*хизæн*») после того, как в апреле сходил снег. Выгонами являлись участки земли непригодные для пахоты и косьбы [3, 54]. С этого времени начинался рабочий сезон у пастуха. До перегона на летние пастбища пастух пас на выгоне. После проведения праздника Бæлдæрæн, скот перегонялся на летние пастбища. Бæлдæрæн в прошлом являлся один из значительных календарных праздников у осетин. Осетины возносили молитвы духам-покровителям, чтобы численность отар выросла, чтобы скот был жирным, чтобы удои молока были значительными. Праздник сопровождался народным гуляньем, весельем, танцами и пением народных песен, в особенности пастушеских.

Время пребывания скота на летних пастбищах продолжалось до начала морозов в сентябре. После этого скот спускали с альпийских лугов ближе к селению, но пастьба продолжалась до праздника «Джеоргуба» [5, 80].

Во время пастьбы на близлежащих от поселения пастбищах пастух ежедневно чуть свет отправлялся за селение, на место, где он собирал сельский скот. Согласно обычаю, каждая семья рано утром должна была пригнать туда свой скот. Каждое утро он обходил свое стадо. Опытный пастух мог довольно точно установить все ли животные на месте. По особым приметам, окрасу шерсти он знал каждое животное в стаде. Таким образом, жители села вручали свой скот пастуху. С этого времени и до ранних сумерек пастух нес за них полную ответственность. Он должен был сохранить и хорошо выпастить каждое доверенное ему животное. У осетин пастух являлся ответственным за пропажу или травмирование скота. Он должен был возместить хозяину стоимость пропавшего животного. Пастух должен был объяснить хозяину причину травмирования вверенного ему животного. Согласно обычаям, пастуху могли предъявить претензии за то, что животное приходило домой голодным, а также за отсутствие молока у дойных животных. Вечером пастух пригонял стадо близко к селу. Домохозяева или кто-нибудь из их домочадцев (обычно это были мальчики) обязаны были явиться на то место, откуда пастух утром угнал стадо на пастьбу. Здесь каждый обратно получал свой скот. С этого времени до следующего утра пастух не нес никакой ответственности за животных [1, 254; 13, 103].

В случае, когда хозяин резал животное, которое до этого выпускалось в стадо, он должен был отдать пастуху его шейную часть, по традиции яв-

лявшейся долей пастуха от туши животного. Эту норму отражает пословица: «*Фиййауæн — æфцæг, хуыгæсæн — къæдзил*/пастуху — шея, свинопасу — хвост». При этом пастух не должен был требовать платы за истекший срок пастьбы данного животного [5, 85].

Повседневная еда пастуха состояла из чурека, сыра, сыворотки и кефира. Многие века осетинские пастухи отличались простой одеждой — бараньей шапкой, буркой и поясом, пастушьим посохом и сумкой. Необходимым элементом костюма пастуха была бурка. Отправляясь на пастбище пастух обязательно брал с собой бурку. В ненастную погоду она спасала пастуха от холода и влаги. Осетинская пословица гласит: «*Фиййауæн йæ нымæт — йæ цæрæнуат*»/«для пастуха бурка — жилище».

Пастушьими атрибутами являлись пастуший посох, пояс и дудка. Это специфические вещи, отличавшие людей, занимавшихся пастушеством. С помощью своего посоха пастух управлял стадом. Он являлся не только орудием воздействия на животных, но и выступал в качестве символа власти. С пастушьим посохом связывались и особые магические знания. Другим пастушьим атрибутом был пояс пастуха, который также использовался в магических обрядах.

Как и у многих других народов, у осетин типичным реквизитом пастуха является дудка или свирель («*уадындз*»). Как правило, изготовление их было несложным и пастухи их сами мастерили. В период пребывания в пастушках они самостоятельно обучались игре на них, подражая взрослым товарищам. Мелодии, услышанные пастушками от опытных пастухов, воспроизводились ими на слух. По представлениям осетинских пастухов, пастушья дудка обладала магической силой. Считалось, что игра на ней предотвращала нападение хищников на стадо, так как звуки музыки внушали им страх. Осетинские пастухи были уверены, что пастушьи наигрыши на свирели отпугивали нечистую силу. В осетинских пастушьих песнях отмечено использование дудки для сигнальной функции.

Игру на свирели пастухи часто сочетали с исполнением пастушьих песен. Среди наиболее распространенных песен были «Песня о Фалваре», «Песня о пастухе Черной горы» и др. [14, 477]. Осетинские пословицы говорят о чудесном воздействии пастушьих песен на скот: «*Фиййауы зарæгæй фос нард кæны*»/«От песни пастуха скот тучнеет», «*фиййауы зарæг фосæн — æртæх угæрдæн*»/«песня пастуха для скота — влажный луг». В пастушьем музыкальном фольклоре отчетливо прослеживается ритуально-магическая направленность.

В пастушьей субкультуре осетин особое место занимали танцы. Не зря у осетин говорят: «Хорошо танцует тот, кто был пастухом». Как известно, танец оказывает на человека мощное положительное психофизическое воздействие. Так же известно превалирование магической функции над эстетико-зрелищной стороной танца в архаичных культурах [15, 186]. По представлениям осетин, боги («*зæдтæ æмæ дауджытæ*») в первую

очередь своей благодатью награждают сильных, смелых и ловких. С помощью систематизированных движений и поз пастух стремился отвести от себя беду и привлечь удачу, вызвать к себе благосклонность богов, чтобы получить благоприятную погоду, хороший травостой и большой приплод у животных. Таким образом, музыка, песни и танцы в субкультуре осетинских пастухов выполняли важные религиозно-магические функции. Постоянными спутниками осетинских пастухов являлись кавказские овчарки («*фийауы куыдз*»). Они помогали собирать скот, разбредавшийся при пастьбе, в кучу. Пастушьи собаки громким лаем поднимали тревогу и отгоняли хищников от стада.

Для того, чтобы уберечь потерявшихся животных от волка, пастухи предпринимали магическое действие, известное как «завязывание пасти волка». Для этого надо было повязать ножницы, гребень и топор, а всю связку привязать к столбу. Кроме того, по представлениям осетинских пастухов, волк не тронет потерявшейся скотины, если обмотать нитью головной гребень. После этого они отправлялись на поиски потерявшихся животных. Обнаружив пропажу невредимой, завязанные предметы необходимо было развязать, а то волк может погибнуть от голода, так как не сможет раскрывать пасть. Если пастух не нейтрализует воздействие своего магического средства после обнаружения животного, он обязательно навлечет на себя гнев Тутыра, грозного покровителя волков [4, 189].

Значительное количество магических обрядов исполнялось осетинскими пастухами в период праздников, в особенности, посвященных покровителю волков Тутыру. Так, пастухи некоторых ущелий Южной Осетии проводили следующий обряд. Пастух вечером клал свиной окорок в ступу, покрывал его своей шапкой и обвязывал своим поясом. Утром следующего дня он возносил молитву. В своей молитве он просил у Тутыра ограждения от волков и других хищников своего скота, и ниспослания им всяческого благополучия. Завершив молитвословие, он подходил к завязанной вечером ступе, развязывал пояс, убирал шапку и доставал из нее свиной окорок. Далее он должен был запустить его вверх, чтобы он вылетел через дымоходное отверстие («*ердо*»), существовавшее в плоской крыше сакли. Если пастуху это удавалось, то по представлениям осетин, скот ожидает благополучие, в противном же случае падежа скота не миновать [7, 278; 6, 341].

Осетинские пастухи усердно и неукоснительно соблюдали все обряды в праздник Тутыра. Они держали очень строгий пост в первый день праздника. Запрещалось не только есть пищу, но и пить воду. Перед общей ритуальной трапезой пастухи не опоясывались и не одевали головных уборов, чтобы уберечь свои стада от щенков Тутыра (так они иносказательно называли волка, опасаясь, что одно упоминание о нем может способствовать его появлению). Использовали некоторые магические приемы. Так, пастух брал бедренную кость барана и камень, клал их в свою шапку и перевязывал его поясом. Далее он клал шапку в ступу, произнося при этом

заклинание: «Пусть будет также завязана пасть волка, и во рту его будет такой же камень» [6, 340].

В своих молитвах пастухи всегда упоминали Тутыра. Так, в молитвословии могли быть примерно следующие слова: «О, Тутыр! Дай нам твою милость, дай такую возможность, чтобы никогда не иссякали у нас прутья и палочки. Избавь нас от своего щенка. Пусть колдовство, направленное против нас, обрушится на самого колдуна» [6, 340]. В молитве использовались иносказания. Под «прутьями» и «палочками» подразумевались разные виды домашних животных, а под «щенком» — волк. Иносказание использовалось для того, чтобы ввести в заблуждение главного врага домашних животных — волка.

По представлениям осетинских пастухов, приплод, полученный в первые три дня праздника Тутырта, считался счастливым, сильными и живучим, не подвластным воздействию нечистой силы и дурного глаза.

Патроном домашнего скота у осетин является Фалвара. В августе месяце осетины, в особенности овцеводы и пастухи, отмечают посвященный ему праздник. К этому дню специально откармливали барана, который резали в качестве жертвы. Особенным подношением для Фалвара является *дзыкка* (блюдо из растопленного сыра и муки).

Осетинские пастухи, обращаясь с молитвой к Фалвара, произносили: «О, бог богов! Тобою созданы мы и скот наш. Ты наделил Фалвару овцами и счастьем, надели ими и нас. О Фалвара! Богу угодно было поручить тебе головы наших овец, а потому молим тебя, отврати от них всякую болезнь; умножая, умножь их на столько, сколько на небе звезд. О Фалвара и Тутыр! Просим вас, — вместе защитите головы наших овец от волков, которым заткните глотки камнями» [2, 278].

Отдельные элементы субкультуры пастухов являются реликтами инициационных обрядов. Так, в праздник Цыппурс мальчики селения просили кого-нибудь из женщин приготовить им три ритуальных пирога с сыром. С ними они отправлялись к знакомому пастуху. Пастух принимал пироги, возносил молитву, а потом отдавал мальчикам козла, которого они позже резали в селении и устраивали пиршество [2, 282].

Другой обряд, также восходящий к инициационным церемониям, исполнялся в праздник Кæрдæгхæссæн. В этот день пастуху жители села делали специальный пирог с обильной начинкой, состоявшей из сыра и зелени («цæхæраджын»). Утром, после завтрака, каждый дом отправлял на пастбище к пастуху мальчика с приготовленным хозяйкой пирогом. Когда все мальчики собирались у пастуха, то устраивалось обрядовое пиршество, которое называлось «*фиййауы куывд*» (обрядовое пиршество пастуха). После ритуальной трапезы начинались игрища, продолжавшиеся до послеобеденного времени. Не вызывает сомнений то, что направление мальчиков во время вышеозначенных праздников к пастуху и ритуалы, исполнявшиеся при этом, являются отголоском обрядов архаичных

юношеских инициационных групп. Мальчики занимались освоением пастушьих навыков, а сами пастухи выступали как их наставники в этом виде деятельности [16, 23].

Таким образом, за многие века занятия скотоводством у осетин сформировались определенные стереотипы поведения пастуха. Выработались пастушьи обряды и обычаи. Появились нормы, регулировавшие взаимодействие между пастухом и хозяевами скота. Сложился характерный костюм и питание осетинского пастуха. Оформились религиозные представления и праздники, отмечаемые осетинскими пастухами. Все эти элементы в комплексе составляют пастушью субкультуру, которая является неотъемлемой частью традиционной культуры. Архаичность ряда обрядов, а также то, что пастушья терминология относится к древнеиранскому фонду осетинского языка, свидетельствует о древности пастушьей субкультуры у осетин.

1. *Пфаф В. Б.* Народное право осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/сост. Л. А. Чибиров. Кн. 7. Владикавказ, 2014. С. 178–276.

2. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 715 с.

3. *Скачков А. А.* Опыт статистического обследования горного уголка (экономический очерк). Владикавказ, 1905. 115 с.

4. *Чурсин Г. Ф.* Осетины/Юго-Осетия. Тифлис, 1925. С. 132–232.

5. *Магомедов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.

6. *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.

7. *Гаглоева З. Д.* Скотоводство у осетин в прошлом // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1963. С. 271–283.

8. *Цаллагова И. Н.* К вопросу о композитном образовании в современном осетинском языке (на основе языкового материала дигорского диалекта) // Известия СОИГСИ. 2019. № 32 (71). С. 73–80.

9. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 608 с.

10. *Габуева О. А.* Обработка молочных продуктов // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 136–144.

11. *Цаллагов А.* Селение Гизель Терской области Владикавказского округа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/сост. Л. А. Чибиров. Кн. 7. Владикавказ: Ир, 2014. С. 548–561.

12. В горной Осетии. Зарамагское общество // Терские ведомости. 1880. № 51.

13. Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: «Арвасин», 2011. 157 с.
14. Таказов Ф. М. Устное народное творчество // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 477–492.
15. Уарзиаты В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с.
16. Гончаров В. А. Образ пастуха в легендарно-исторической традиции о древнейшем прошлом Италии // Ученые записки колледжа «Номос». Вып. 7. Воронеж, 2010. С. 15–23.

Bagaev, Alan B. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); alon.baga@mail.ru

SHEPHERD'S SUBCULTURE OF THE OSSETIANS

Keyword: shepherd's subculture, Ossetian shepherd, shepherding, shepherd, shepherd's rite, shepherd's attribute, shepherd's crook

In a traditional society, the values cultivated by male communities have a significant impact on the formation and development of the individual, which in turn affects the development of the whole society. For this reason, the study of male subcultures of the past is of great importance. A subculture never emerges from a void, it is always based on an earlier culture, the transformation that it actually is. In this regard, to understand the laws of development of modern society, a comprehensive study of the subcultures of the past is necessary. This article discusses the shepherd's subculture in traditional society based on Ossetian material. In the past, this was one of the stable and widespread male professional subcultures among the Ossetians. It had a significant impact on many aspects of the spiritual and material culture of the Ossetian people. Scientific novelty is determined by the fact that this work is the first comprehensive study of the shepherd's subculture among the Ossetians. Sources for the development of the problem posed were ethnographic material, folklore texts, and Ossetian language data.

During the study, the stereotypes of the shepherd's behavior, as well as the traditional norms on which the interaction between him and the livestock owners were based, were examined. The size and forms of remuneration for the work of a shepherd in various Ossetian societies are established. original terms to designate a shepherd, depending on the animals shepherded are highlighted. The shepherd's attributes and features of the shepherd's costume among the Ossetians are determined. Religious magic rituals practiced by shepherds to preserve the herd are revealed. The musical folklore of Ossetian shepherds and its religious and magical functions are determined. This problem requires further in-depth studies of all the aspects considered.

REFERENCES

1. Pfaf, V. B. *Narodnoe pravo osetin* [Ossetian people's law]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodicals of the Caucasus about

Ossetia and Ossetians]. Compiled L. A. Chibirov. Book 7. Vladikavkaz, 2014, pp. 178–276.

2. Miller, Vc. F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 715 p.

3. Skachkov, A. A. *Opyt statisticheskogo obsledovaniya gornogo ugolka (ekonomicheskii ocherk)* [Experience of a statistical survey of a mountain corner (economic essay)]. Vladikavkaz, 1905. 115 p.

4. Chursin, G. F. *Osetiny/Yugo-Osetiya* [Ossetians/South Ossetia]. Tiflis, 1925, pp. 132–232.

5. Magometov, A. Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 556 p.

6. Chibirov, L. A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [The traditional spiritual culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.

7. Gagloeva, Z. D. *Skotovodstvo u osetin v proshlom* [Ossetian pastoralism in the past]. *Materialy po etnografii Gruzii* [Materials on the ethnography of Georgia]. Tbilisi, 1963, pp. 271–283.

8. Tsallagova, I. N. *K voprosu o kompozitnom obrazovanii v sovremennom osetinskom yazyke (na osnove yazykovogo materiala digorskogo dialekta)* [On the issue of composite education in the modern Ossetian language (based on the language material of the Digor dialect)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 32 (71), pp. 73–80.

9. Abaev, V. I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Vol 1. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the CCC, 1949. 608 p.

10. Gabueva, O. A. *Obrabotka molochnykh produktov* [Dairy Processing]. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka Publishing House, 2012, pp. 136–144.

11. Tsallagov, A. *Selenie Gizel' Terskoi oblasti Vladikavkazskogo okruga* [The village of Gizel, Terek region, Vladikavkaz district]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodicals of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Compiled L. A. Chibirov. Book 7. Vladikavkaz, Ir, 2014, pp. 548–561.

12. *V gornoj Osetii. Zaramagskoe obshchestvo* [In mountain Ossetia. Zaramagsk society]. *Terskie vedomosti* [Terek statements]. 1880, no. 51.

13. Misikov, M. A. *Etnograficheskie svedeniya ob osetinakh* [Ethnographic information about Ossetians]. Vladikavkaz, Arvasin, 2011. 157 p.

14. Takazov, F. M. *Ustnoe narodnoe tvorchestva* [Folklore]. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka Publishing House, 2012, pp. 477–492.

15. Uarziaty, V. *Prazdnichnyi mir osetin* [The festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, 1995. 223 p.

16. Goncharov, V. A. *Obraz pastukha v legendarno-istoricheskoi traditsii o drevneishem proshlom Italii* [The image of a shepherd in the legendary historical tradition of the ancient past of Italy]. *Uchenye zapiski kolledzha «Nomos»* [Scientific notes of the college «Nomos»]. 2010, vol. 7. Voronezh, pp. 15–23.